

ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НАСЕЛЕНИЯ¹

© 2010

Туманова Анастасия Сергеевна, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения гражданского общества и некоммерческого сектора Государственного университета – Высшей школы экономики

В статье рассмотрена деятельность обществ социальной защиты (благотворительных обществ и обществ взаимопомощи) в решении социальных проблем населения. Охарактеризованы взаимоотношения обществ социальной защиты с правительственной властью России в конце XIX – начале XX в. Автором использованы материалы источников личного происхождения (мемуары, дневники) и архивов.

Ключевые слова: общественные организации, социальная защита, благотворительность, взаимопомощь, общественная польза.

Благотворительные организации занимали почётное положение в системе добровольных обществ дореволюционной России. Правительственные чиновники отмечали приносимую ими общественную пользу, превозносили их учредителей за моральную добродетель, субсидировали многие их начинания и председательствовали в собраниях и др. В то же время отношение к обществам верховной властью определялось стремлением не выпустить частную инициативу в этой сфере за пределы официально установленных границ.

Период конца XIX – начала XX века был временем расцвета благотворительных общественных организаций и близких к ним по задачам обществ взаимопомощи. К 1902 г. количество организаций социальной защиты во много раз превышало численность объединений всех остальных групп, составляя, по данным официальной статистики, 4672 общества [1, с. 231]. Указанная тенденция к численному росту организаций сохранялась и в дальнейшем. Расширялся арсенал используемых обществами методов работы, появлялись новые их модификации на региональном и национальном уровнях, увеличивалась независимость обществ от правительственной опеки [2, р. 41].

В 1894 г. в Москве начали свою работу городские участковые попечительства о бедных. План их организации и действий был одобрен в марте 1894 г. Московской городской думой. Сначала было учреждено 24 попечительства, в 1897 г. их стало 27. Попечительства учреждались из лиц, высказавших желание содействовать делу призрения бедных ежегодными денежными пособиями или личным трудом, выражавшимся в сборе пожертвований, посещении бедных, уходе за больными и др. Руководящий состав участковых попечеств избирался городской думой. Члены попечительства разделялись на 3 категории: жертвователей, сотрудников и почётных членов. Средства попечительства составлялись из ежегодной субсидии Московской городской думы в размере 40 тыс. руб., членских взносов и сборов, доходов от благотворительных концертов и др. [3, с. 509].

¹ Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных научных исследований ГУ-ВШЭ в 2010 году «Партнерство гражданского общества и государства в решении социальных проблем».

Положив в основу своей работы принципы децентрализации и индивидуализации помощи, попечительства разделили Москву на участки. Жителям каждого участка помощь оказывалась денежными пособиями, одеждой, топливом, устройством домов для престарелых и детских приютов. Практиковались два вида помощи нуждающимся: временная и постоянная. Первая выражалась в помещении неимущего в больницу, лечении его на дому, в обеспечении его квартирой, топливом, одеждой и др. Постоянная помощь включала в себя заботу о малолетних, дряхлых стариках, иных нетрудоспособных. Во избежание наплыва в Москву неимущих, желавших воспользоваться даровой помощью попечительств, по распоряжению МВД им было предоставлено право выдачи пособий лишь уроженцам Москвы и лицам, прожившим в городе не менее двух лет. Попечительства вели учет нуждающихся, для чего составляли особые перечни, на основании которых городские управы готовили общий свод, рассылаемый во все благотворительные учреждения города [3, с. 509–512; 4].

По мнению профессора истории В.И. Герье, московские попечительства были «первым в России опытом организованной добровольной общественной деятельности в области благотворительности и борьбы с нуждой – и опытом удавшимся». Очевидным достоинством попечительств Герье считал то, что «они привлекают к делу призрения лиц, для которых благотворительность не есть служба или карьера, а личное и специальное призвание» [3, с. 515–516]. Эффективным способом организации муниципального общественного содействия признала городские попечительства о бедных современный американский историк А. Линденмайер [5, р. 431].

Благодаря деятельности московских участковых попечительств дело помощи бедным во второй российской столице вышло на качественно новый уровень и стало в большой степени общественным делом, привлекавшим к себе представителей московской интеллигенции. В качестве членов попечительств и сотрудников в них принимали активное участие около 2 тыс. человек.

Учитывая опыт попечительств Москвы, в марте 1899 г. МВД издало циркуляр, рекомендовавший открывать подобные учреждения в других городах. Попечительства были открыты тогда в Харькове, Саратове, Пензе, Туле, Ставрополе и др. В столице Российской империи Санкт-Петербурге система участковых попечительств о бедных была создана по постановлению городской думы только в 1907 г. [3, с. 516].

Среди благотворительных организаций, оказывавших комплексную помощь нуждающимся «без различия пола, возраста и вероисповедания» (от единовременных пособий до полного содержания), попечительные общества о бедных занимали особое положение. Они представляли собой новую форму организации благотворительной работы, основанную на принципах децентрализации и индивидуализации помощи, впервые апробированных в Германии. Для создания более гибкой системы общественной помощи неимущим города разбивались на участки. Каждый из них находился в ведении участковой дамы, в обязанности которой входило подробное обследование своей территории, регистрация проживавших на ней бедняков и привлечение жертвователей. Такие организации существовали в Москве, Тамбове, Воронеже, других городах. Принцип действия участковых попечительств состоял в следующем. После регистрации прошений неимущих они подвергались серьёзному отбору. В каждом конкретном случае изучались условия жизни просителя, степень и характер его нужды, наводились справки о причинах бедственного положения. Результаты направлялись в совет Общества, который и назначал пособия. Чтобы охватить наибольшее число неимущих и исключить случаи дублирования, попечительные общества о бедных рассылали списки своих постоянных клиентов во все благотворительные заведения города [6, с. 14–15; 7, с. 12–13].

Активизацию общественной самодеятельности в области социальной защиты обусловливали интенсивно протекавшие в Российской империи рассматриваемого времени процессы индустриализации и урбанизации. Жители российских городов, в особенности

крупных, сталкивались в своем повседневном быту с целым рядом проблем социально-го характера. К их числу относились детская неустроенность, бездомность, преступность. В Москве и Петербурге их разрешением занималась отдельная группа организаций. Это образованное в феврале 1911 г. под председательством супруги московского градоначальника З.Г. Рейнбот Общество призрения сирот и брошенных детей, организованное спустя три с небольшим года по инициативе и под председательством супруги следующего московского градоначальника А.А. Адриановой Общество призрения детей, страдающих сифилисом, а также Общество «Борьба с улицей», Общество воспитания детей улицы, Общество борьбы с детской смертностью, Общество патроната над несовершеннолетними, Общество покровительства беспризорным и освобождённым из мест заключения несовершеннолетним. Алгоритм действий этих организаций был схожим: на пожертвованные средства они приобретали усадьбу, в которой устраивали колонию-приют, призванный стать убежищем для брошенных или больных детей. Общественно полезный характер инициатив одной из этих организаций – Петербургского общества борьбы с нищенством детей газета «Биржевые ведомости» характеризовала в следующих выражениях: подбирая на улице «из растлевающей обстановки заброшенных детей и окружая их отеческой заботой», Общество «борется с хулиганством и очищает столицы от лиц, потерявших здоровый трудовой путь» [8].

Способы возвращения детей к нормальной жизни обсуждались на заседаниях Московского общества содействия религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию детей. Устраиваемые этой организацией чтения и концерты на духовно-нравственные темы в пользу детских приютов активно посещались представителями московской администрации.

Под руководством московского губернатора Г.И. Кристи, а впоследствии его преемника В.Ф. Джунковского действовало Московское попечительство о глухонемых, воспитывавшее в стенах своих учреждений более ста глухонемых крестьян Московской губернии [9].

Между тем предпринятая общественностью кампания по сбору средств на поддержку голодающих в 1911–1912 гг. натолкнулась на многочисленные преграды со стороны властей. Правительство требовало, чтобы все организации, занимавшиеся помощью голодающим, получали официальное разрешение на проведение этой работы. Общественным организациям было запрещено самостоятельно распоряжаться собранными ими средствами, которые направлялись в официальные структуры – в Министерство внутренних дел, в Красный Крест или в местные земские органы. В ряде мест (например, в Вятской губернии) обществам под нажимом губернаторов пришлось свернуть работу в этом направлении [2, р. 43]. Как комментировала эту ситуацию газета «Русское слово», правительство чинит препятствия общественной работе, «опасаясь, что под видом куска хлеба голодающие станут получать жесткий камень в смысле внедрения в их головы каких-либо революционных идей» [10].

Деятельность благотворительных организаций была многоплановой, включая в себя помощь бедным, социальную реабилитацию безработных путем их трудоустройства, обучение беспризорных детей и детей-сирот и др. Примером подобной многопрофильности может служить образованное в Можайске А.С. и П.С. Уваровыми Благотворительное общество, имевшее целью, по словам его учредителей, «не только «кормить и благотворить» детей, но приучать их к работе, находить им места, помогать устройству школ, распространять между населением полезные книги и мастерства и пр.» [11, с. 77–78]. К числу учреждений Общества принадлежали народная школа, позднее преобразованная в женскую прогимназию с правами министерской, педагогические курсы, дававшие право их выпускникам на преподавание в высших народных училищах. Девушки-подростки трудоустраивались в функционирующей при организации швейной мастерской. В периоды военных действий Можайское благотворительное общество участвовало в лечении раненых, которых подвозили сюда прямо с поля брани [11, с. 101, 152–155].

Широкий спектр социальных задач решало Взаимноблаготворительное общество, образованное в Петербурге в 1895 г. по инициативе представительниц российского фе-

министского движения А. Философовой и А. Шабановой. Эта ассоциация была задумана в виде традиционного женского клуба с самыми разносторонними интересами, начиная от оказания благотворительной помощи в дневных яслях, приютах, общежитиях, дешёвых столовых для образованных и работающих женщин, до повышения их образовательного и профессионального уровня, общей и политической культуры (организация включилась в борьбу за достижение политического равноправия женщин) [12, с. 271–274].

Одним из крупнейших женских благотворительных обществ было Российское общество защиты женщин. Его возглавляла вел. кн. Елена Саксен-Альтенбургская, в его руководящий орган (совет) входили представители ключевых министерств и ведомств, что придавало организации статус полугосударственной структуры. Общество опиралось на разветвлённую сеть отделений, образованных к 1912 г. в Москве, Вильно, Киеве, Одессе, Риге, Костроме, Н.-Новгороде и Саратове. В центре внимания организации стояла забота о моральном облике женщин: предохранение девушек и женщин от разврата, возрождение падших к честной жизни. Первоначально общественные деятели занимались выяснением положения девушек и женщин, которым могла угрожать опасность вовлечения в разврат, после чего они устраивали их судьбу: предоставляли временный приют, оказывали нравственное воздействие. При Обществе действовал так называемый «отдел расследования», деливший город на участки, в каждом из которых имелась своя попечительница. Большинство женщин, прибегших к помощи этой организации, принадлежало к крестьянскому сословию [13, с. 131–133]. Сходные функции выполняли Общество улучшения участи женщин в Москве, Общество защиты несчастных женщин в Казани, Общество защиты женщин в Томске, общества попечения о молодых девицах в Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону и в Одессе.

Подавляющее число общественных организаций, работавших в провинциальных городах, было ориентировано на незначительную территорию, ограничивавшуюся пределами отдельного квартала, церковного прихода (приходские попечительства о бедных), учебного заведения (общества для пособия нуждающимся ученикам) и т.п. Организаций общественного призрения, охватывавших территорию целого города, насчитывалось сравнительно немного. Это объяснялось нехваткой у негосударственных учреждений материальных и людских средств, а также их убеждением, что в рамках небольшого района легче наладить интенсивную и многообразную работу.

Многие благотворительные организации включали в свой состав чиновников губернской администрации, руководителей общественного и сословного самоуправления. Губернаторам вменялось в обязанность осуществлять наблюдение за состоянием обществ: правильностью и систематичностью ведения ими отчётной документации, своевременностью предоставления информации об их капиталах, заведениях, составе и количестве призреваемых. Личным участием в деятельности обществ, а также содействием в организации их мероприятий (спектаклей, лотерей, аукционов и т.п.) представители местной бюрократии способствовали расширению сферы общественной помощи бедным и вовлечению в неё большого числа горожан. Серьёзным подспорьем для молодых организаций служила поддержка земских учреждений, выражавшаяся как в форме денежных пособий, так и в плане обмена опытом организации общественного призрения.

В сфере социальной защиты работающего населения городов действовали общества взаимопомощи. Современники не разделяли благотворительные общества и организации взаимопомощи: общества взаимопомощи включались в перечень благотворительных учреждений Российской империи, составляемых соответствующими министерствами и ведомствами. Однако различие между этими организациями существовало.

Главным направлением деятельности обществ взаимопомощи была материальная поддержка входивших в них членов, которая оказывалась в форме денежных пособий, пенсионного и медицинского обеспечения. К началу XX в. подобного рода объединения существовали практически у всех социально-профессиональных групп. Свои «вспомощество-

вательные» организации имели представители творческой интеллигенции (ученые, писатели, артисты, художники), учительство, учащиеся низшей, средней и высшей школы, врачи и средний медицинский персонал (фельдшера, акушеры, дантисты), купцы и приказчики, ремесленники, портные, булочники и др. Организованные по профессиональному признаку, они отражали растущее разделение труда в российской социальной и экономической сферах. Благотворительной помощи активисты этой группы организаций предпочитали взаимопомощь, когда каждый член общества вносил свой денежный вклад в общую кассу и имел в случае нужды заработанное собственным трудом право на социальное обеспечение. Помимо материальной поддержки, они занимались защитой прав своих членов, заботились об улучшении условий их труда, повышении культурно-образовательного и профессионального уровня, а также «доставлении им приятного и полезного времяпрепровождения в часы досуга устройством спектаклей, концертов и увеселительных вечеров».

Самыми распространёнными обществами взаимопомощи были организации приказчиков, конторщиков, бухгалтеров, трактирной прислуги. Основную массу среди них составляли общества торговых служащих (к 1900 г. их насчитывалось 97). Первое приказчицье общество было основано в Риге в 1859 г. [14, с. 823].

Большое распространение в изучаемый период получили общества вспомоществования нуждающимся учащимся. Поначалу они учреждались при отдельных учебных заведениях и были ориентированы на их воспитанников, позднее стали брать под опеку учащихся всех учебных заведений отдельного городского района, города или уезда. К 1908 г. в России насчитывалось 111 организаций этого типа [15, с. 126]. Предоставляемая ими помощь выражалась во внесении платы за обучение, выдаче денежных пособий, учебной формы и литературы, снабжении неимущих пищей, а при наличии средств и жильём. Организации боролись с детским уличным нищенством, заботились о доставлении детям «здоровых удовольствий» (чтений, экскурсий), устраивали для них общежития и летние колонии.

В студенческой среде широкое развитие получили земляческие ассоциации. По данным авторитетного исследователя корпоративных студенческих институтов А.Е. Иванова, на рубеже XIX–XX вв. землячества действовали во всех высших учебных заведениях Российской империи, за исключением привилегированных («закрытых»). Их органическому укреплению в студенческой среде способствовали, «с одной стороны, российско-территориальная бескрайность, надолго разлучавшая студентов с родным домом, а с другой, – вопиющая бедность значительной части студенчества». [16, с. 44–46]. Землячества просуществовали до 1917 г., с переменным успехом исполняя свою главную функцию органов материальной и моральной поддержки студентов-земляков, оказавшихся в чужих краях.

Организации взаимопомощи активно развивались и в учительской среде. К 1905 г. в стране насчитывалось 125 таких обществ с несколькими десятками тысяч участников [15, с. 169]. Они оказывали своим членам самые различные виды помощи (материальную, медицинскую, юридическую и др.), устраивали для них образовательные экскурсии, ходатайствовали о различных нуждах учителей, защищали их права и занимались их трудоустройством.

Среди организаций, ориентированных на творческую интеллигенцию, большой известностью пользовалась касса взаимопомощи литераторов и ученых, образованная в 1890 г. по инициативе публициста Г.К. Градовского при Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературном фонде). Касса действовала как страховой фонд для всех участвующих. По свидетельству мемуаристов, касса показала себя весьма предприимчивой и жизнеспособной, оставив спустя некоторое время позади даже своего маститого прародителя: «Касса открывалась с «капиталами» в 216 рублей, а у ее патрона – Литературного фонда – тогда было около 400 тысяч рублей капитала. Теперь же в последнем отчётном году (1908 г. – А.Т.) фонд выдал из своих средств на пенсии и пособия литераторам и ученым 28 тысяч рублей, а касса израсходовала свыше 41 тысячи (имев в году прихода 48 тыс.),

т.е. на 13 тысяч рублей более Литературного фонда» [17, с. 652]. О размахе деятельности кассы позволяют судить имена людей, входивших в ее состав и пользовавшихся ее услугами. Среди них были известные журналисты К.К. Арсеньев и А.Р. Кугель, историк литературы С.А. Венгеров и ученый-византист Ф.И. Успенский, прозаик В.Г. Короленко, правоведы А.Ф. Кони, В.Д. Кузьмин-Караваев, Н.С. Таганцев и др.

Касса взаимопомощи литераторов и ученых быстро переросла рамки страховой «похоронной кассы», оказавшейся малоприспособленной для профессионального общения писателей (эта особенность была характерна и для других интеллигентских обществ взаимопомощи). Театральный критик и публицист В.А. Кугель вспоминал, что в условиях фактического запрета на общественные литературные организации в начале 1890-х гг. касса выполняла роль и страхового, и профессионального объединения ученых и литераторов: «Она выдавала и пособия. И даже какие-то пенсии. Многие самым серьезным образом волновались вопросами о размерах выдачи на похороны. Общие собрания членов сопровождалось шумом, криками, бурей». Касса занималась издательской деятельностью, имела отделения в Москве, Одессе, Киеве, Юрьеве и Риге, просуществовала до самой революции, с наступлением которой, «поднявшей настоящие бури», как иронично замечал Кугель, «исчезла психологическая, а может быть, и физиологическая потребность устраивать бури в стакане воды» [18, с. 136].

Материальные, профессиональные и этические интересы сотрудников газетных и журнальных изданий, исключая монархические, а также писателей и всех причастных к литературе общественных деятелей второй столицы охраняло Общество деятелей периодической печати и литературы, открытое в 1907 г. под председательством П.Д. Боборыкина. Общество быстро обростало членами, численность которых за семь лет его деятельности удвоилась (к 1915 г. в нем насчитывалось 533 человека), обзаводилось филиалами в других городах (Саратове, Екатеринограде). Его членами являлись такие известные литераторы, как Ю.И. Айхенвальд, В.Я. Брюсов, В.В. Вересаев, В.А. Гиляровский, Б.К. Зайцев, Н.Н. Златовратский, И.С. Шмелев и др. Заявленная главной целью организации «товарищеская взаимопомощь» заключалась в выдаче нуждающимся членам ссуд и пособий, организации литературных конкурсов для начинающих и малоизвестных беллетристов. Примечательно, что доходная часть бюджета этой организации формировалась преимущественно за счет продажи граммофонных пластинок с записями видных писателей и артистов [19, с. 191–192].

Филантропическая деятельность и взаимопомощь занимали важное место в работе Русского театрального общества (РТО), учрежденного в 1902 г., а также зарегистрированного при нем в 1906 г. Всероссийского союза сценических деятелей, имевшего кассу взаимопомощи, суд чести и сеть местных отделений. При РТО действовали убежище для престарелых артистов, театральное справочно-статистическое бюро, выполнявшее функцию посредника при найме актеров. Под эгидой Общества были проведены всероссийские съезды сценических деятелей и деятелей народного театра, обсуждавшие вопросы материально-бытового и профессионального положения представителей артистической корпорации, осуществлялась издательская работа. В отличие от своих коллег из писательской и научной среды, РТО прожило долгую жизнь, пережив Октябрь 1917 г. [20, с. 191–192].

Интеллигентские общества взаимопомощи отличались высокой общественно-политической активностью: принимали участие во всероссийском движении представителей своих профессий, остро реагировали на текущие события политической жизни страны. В наибольшей степени это было характерно для учительских организаций, лидерами которых являлись либерально настроенные общественные деятели (кн. Д.И. Шаховской в Ярославле, Н.В. Чехов в Твери, Д.Н. Жбанков в Смоленске, А.А. Стахович в Ельце, С.О. Серополко в Туле и т.д.) [21].

Благотворительные общества и общества взаимопомощи внесли весомый вклад в повышение материального благосостояния населения страны. Они способствовали профессионализации отдельных профессиональных групп (учителя, журналисты, врачи, студенты и т.д.), предвосхитили многие достижения в различных областях и, что особенно важно, готовили глубинные изменения в самосознании горожан, способствуя их превращению из обывателей в свободных граждан. Организации взаимопомощи служили основой для формирования новой городской элиты, положение которой в обществе определялось уже не ее официальным сословным статусом, а имевшимися у нее навыками общественной работы, степенью развитости у нее таких качеств, как гражданский долг и ответственность. Опыт их деятельности актуален и востребован сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ульянова Г.Н. Некоммерческий сектор в России. Тенденции развития в дооктябрьский период // Россия в XX веке: Люди, идеи, власть / Отв. ред. А.К. Соколов, В.М. Козьменко. М., 2002.
2. Lindenmyer A. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990.
3. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. СПб., 1908.
4. Максимов Е. Городское общественное управление в деле помощи бедным. СПб., 1905.
5. Lindenmeyer A. A Russian Experiment in Voluntarism: The Municipal Guardianships of the Poor, 1894–1914 // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 1982. Bd. 30.
6. О деятельности участковых попечительств см. более подробно: Ульянова Г.Н. Участковые попечительства в России // Вестник благотворительности. 1995. № 2 (март-апрель). С. 14–15.
7. О деятельности участковых попечительств см. более подробно: Ульянова Г.Н. Участковые попечительства в России // Вестник благотворительности. 1995. № 3 (май-июнь).
8. Биржевые ведомости. 1913. 17 февраля.
9. Московские ведомости. 1911. 23 марта.
10. Русское слово. 1912. 14 января.
11. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005.
12. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930. М., 2004.
13. Пашенцева С.В. Деятельность женских благотворительных обществ России в конце XIX–начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
14. Раскин Д.И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX в. // Из истории русской культуры. Т.V. М., 1996.
15. Чарнолуский В.И. Частная инициатива в деле народного образования. СПб., 1910.
16. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX–начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.
17. Евгеньев А. К пятидесятилетию Литературного фонда (1859-1909) // Исторический вестник. 1909. Т. 98. № 11.
18. Кугель А.Р. Литературные воспоминания (1882–1896 гг.). Пг.; М., 1923.
19. Общество деятелей периодической печати и литературы // Манфред Ш. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь. М., 2004.
20. Русское (Российское) театральное общество // Манфред Ш. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187 (1904). Д. 370. Л. 27–34.